

СМ. - Рига. -
1992. - 8авт.

Интервью "СМ"

ПИСАТЕЛЬ - ВСЕГДА МЕССИЯ

АЛЕКСЕЙ ДУДАРЕВ дебютировал сборником рассказов "Святая птица". Потом были рассказы для детей - "Синеглазка". В 1987 году вышла книга "Диалог", в которую вошли пьесы "Выбор", "Взлет", "Рядовые", "Вечер", "Порог". В восьмидесятые годы А. Дударев часто и охотно ставили многие театры страны. Сейчас драматург возглавляет в Минске журнал "Мастацтва" ("Искусство"). И год как уже ничего не пишет.

мы занимались не своим делом! Потому что это - дело социологов, публицистов, журналистов. Да, все средства массовой информации находились под идеологическим колпаком, а театр был свободнее: пятьсот зрителей - это не миллионы читателей и слушателей. И искусство выполняло задачу - довести до людей правду о самих же людях. Мы делали святое дело. Но это происходило во вред искусству: нам со временем стало казаться, что это и есть настоящий язык искусства. И мы привыкли к этому. Мы привыкли обличать, держать, простить за выражение, фигу в кармане. И зритель реагировал на это очень благодарно, потому что больше нигде не мог услышать это. Зритель шел в театр за истиной. И вот теперь это рухнуло. И слава Богу!.. Представляешь: люди ломаются в закрытую дверь, напирают и напирают! И вдруг она слетает с петель! И они не просто входят - они вылетают кубарем, падая и набивая себе шишки! И только потом встают и, отряхиваясь, начинают делать то дело, ради которого ломились в эту дверь. То же самое произошло и с искусством. И я сейчас не знаю, что хотел бы посмотреть в театре. Меня уже давно по-настоящему не восхищал ни один спектакль! А если и восхищал как-то, то там была замешана политика.

- Но отчего литература не может быть политизирована?

- Художник не имеет права быть политизированным, поскольку у искусства совершенно другие задачи. Художник занимается человеческим духом, самим человеком. Литература сродни религии. И это очень спорный тезис - мол, состояние человеческой души зависит от внешних обстоятельств. Как по Марксу: бытие определяет сознание. Я думаю, абсолютно на-

оборот: сознание все-таки первично. Человек внутренне богатый, с ясными духовными ориентирами, не потеряет все это, у него хватит сил сохранить свой мир. Человек, носящий в себе христианские заповеди, не украдет, если будет богатым, но и не украдет, если будет бедным.

- Алексей Ануфриевич, а тогда, в начале восьмидесятых, вы все писали до конца честно?

- Понимаешь, писать все честно я просто не мог. Не знаю, хорошо это или плохо, но я не могу писать в стол! И дело тут не в меркантильных интересах, а в том, что меня должны были услышать! И, естественно, во мне сидел внутренний редактор. Я знал, что, скажем, вот эта фраза не пройдет. Но если за нее цепляться, то не пройдет цензуру и все произведение. Мы все находились в таких обстоятельствах. Нельзя с каждого требовать, чтобы он был ни больше, ни меньше Андреем Дмитриевичем Сахаровым. У каждого свой характер и свое мужество. И не каждый был трижды Героем Социалистического Труда и таким всемирно известным человеком. Ведь, скажем, с Василием Быковым расправляться было много легче.

Нас воспитывали в слишком жестких рамках. И поэтому мы не можем быть полностью свободными. Раб в нашей душе сидит и сейчас. Когда человек что-то делает, но с оглядкой, - это и есть рабство. Но сегодня в этом уже нет необходимости! Однако многолетняя привычка дает о себе знать. Свобода, как и интеллигентность, не может возникнуть с нуля. Она должна воспитываться из поколения в поколение, передаваться в генах. Но о какой свободе может идти речь, если в глухой деревне, где нет электричества, мои мать и отец,

говоря ночью о Сталине, переходили на шепот?!

- Алексей Ануфриевич, расскажите, пожалуйста, о себе.

- Родился я в Дубровинском районе. У отца - три класса образования. У меня - школа, ПТУ, нефтеперерабатывающий завод, армия, снова завод. В двадцать два года поступил в Театрально-художественный институт в Минске. По образованию - актер драмы и кино. Три года работал в ТЮЗе. Студентом начал писать. Первую пьесу сочинил для курса "Современная белорусская пьеса", поскольку нас было шестнадцать человек, а пьесы на такое количество актеров не было. И это была самая моя большая победа, поскольку конкурники восприняли ее с восторгом и она стала нашей дипломной работой. Тогда я хотел написать пьесу и сказать в ней все, чтобы потом уже никто ничего не писал! Такой вот юношеский максимализм. Конечно, глупость.

- Речь идет о пьесе "Выбор"?

- Да, профессиональные театры сочли первое название "После..." некассовым и переименовали в "Выбор".

- В этой пьесе гибнет экипаж танка только потому, что водитель боевой машины не смог наехать на вдруг возникшего перед танком ребенка. Один из погибших в негодном упрекает водителя в том, что он не подумал ни об экипаже, ни о родственниках погибших. На чьей стороне правда?

- Душа человеческая не терпит арифметики. Поэтому рассчитывать, что, пожертвовав ребенком, можно осчастливить человечество, нельзя, - это не из сферы человеческого духа. Если у человека с психикой все нормально, в момент, когда под колеса машины выбега-

ет ребенок, а у самого шофера сидят двое детей, он не станет думать, что станется через секунду.

- А если возникает, как в том же "Выборе" у Алешкевича, действительно выбор: оставшись честным и погибнув, стать для живых предателем только потому, что после смерти тебя оклеветали, или все-таки предать втихую?

- Дело в том, что Бог все знает. А суждения людей в большинстве обманчивы.

- Ваша пьеса-фантазия "Мастер и Маргарита", скажем так, написана в другом ключе, нежели ваши предыдущие работы. Чем это вызвано? У вас еще не было подобного опыта?

- Написать пьесу по такому роману практически невозможно. И заранее дело обречено на провал. Прежде всего будет "мешать" сам роман!.. Композитор Евгений Глебов попросил меня написать либретто, которое, конечно, у меня не получилось. А вышла пьеса. Я не ставил перед собой задачу - встать вровень с Булгаковым. Но это был поиск другого языка. Искусство потеряло сейчас свой естественный язык, язык, обращенный к душе человека, к его нравственности, интимности. И я хочу скорее найти его, опутить, почувствовать. Если этого не произойдет, возможно, это станет трагедией.

- Вы счастливы в дружбе?

- Да. Недостаток у меня есть: не очень людям доверяю, весьма осторожен, замкнут. И поэтому очень часто бываю одинок.

- Одиночество было больше тогда или сейчас?

- Тогда. Какое сейчас одиночество, если последние десять лет телефон у меня дома не смолкает?! Я думаю, это у всех бывает. И уверен, что одиночество, грусть, тоска, если они не приобретают болезненных форм, ничего, кроме пользы, душе не приносят. Ты же видел, что люди в церкви всегда грустны. Но это просто они общаются с космосом.

- Что, по-вашему, главное в жизни?

- Ответственность за себя. И если ты по-настоящему ответствен за себя, ты будешь ответствен и за других.

- Спасибо за интервью.

Его вел Сергей
ШАПРАН.
Фото автора.

- Алексей Ануфриевич, время объединило вас вместе с такими разными людьми, как, скажем, Тренев и Арбузов, в одну пьесу - пьесу советских драматургов. Но время Тренева от вашего отличается значительно. Может быть, вы назовете характерные черты своего времени?

- Мы все воевали за то, чтобы произошла деполитизация жизни. И пусть это прозвучит кощунственно, но - низкий поклон путчам за то, что они стали катализатором, ускорившим этот процесс деполитизации. Однако мы едва ли говорили о том, что должно деполитизироваться искусство. Та же советская драматургия была наиболее классовым направлением в литературе: из пьес мы узнавали, кто наш друг, а кто - враг, из пьес мы знали, через какие тернии и преграды движется человечество к счастью. Но это глупость! Об этом не знает никто. И я вообще сомневаюсь в существовании счастья: жизнь - это ведь испытание.

Драматургия была политизирована чрезвычайно: когда Алексей Арбузов уходил в сторону от политики и изучал интимные стороны человеческой жизни - быт, семью, любовь, - его порицали за это. Недаром кто-то сказал: драматургия начинается там, где есть человек. Жизнь любого человека, внешне благополучная, очень драматична.

Мы ведь тогда били во все колокола о том, что на производстве - бардак, люди спиваются и т. д. Но